

Фан Цану говорил запинаясь, а мочки его ушей и шея залились нежным румянцем.

— Э-это... это продвигается слишком быстро, разве так хорошо? — в голове Фан Цану промелькнули бесчисленные представления о парной культивации из его прошлой жизни, сопровождаемые разнообразными яркими и весьма пикантными образами. Он чувствовал, что так нельзя, категорически нельзя!

Тунтянь прекрасно видел выражение лица Фан Цану. Будучи его спутником на пути Дао, он, разумеется, прекрасно понимал, что творится в голове у этого маленького дракона.

Он мягко положил руку на плечо Фан Цану, устремив взгляд своих сияющих, словно холодные звезды, глаз на юношу, который уже буквально готов был задымиться от смущения. Лишь после этого он неторопливо заговорил:

— Похоже, парная культивация в представлении маленького друга-даоса немного отличается от того, что думаю я. Но если маленький друг-даос желает именно такой парной культивации, я, Тунтянь, не прочь составить тебе компанию.

Сказав это, Тунтянь слегка приподнял уголки губ, а в его глазах промелькнуло озорство. Увидев эту насмешку в глазах Тунтяня, разве мог Фан Цану не понять, в чем дело?

Похоже, под парной культивацией они понимали совершенно разные вещи!

Его мысли опошлили, он потерял былую невинность, да еще и выставил себя на посмешище перед Тунтянем! Фан Цану безумно захотелось вырыть яму на дне Восточного Моря и зарыться туда с головой.

— Держись от меня подальше! — предупредил Фан Цану, вынимая Копье из Драконьей Кости. Даже если в душе он признавал, что надумал лишнего, терять лицо он не собирался.

Тунтянь ничуть не испугался направленного на него оружия. Он протянул руку, мягко отвел в сторону белоснежное, точно иней, Копье из Драконьей Кости, а затем, склонившись к самому уху Фан Цану, тихо спросил:

— Так согласен ли маленький друг-даос на парную культивацию со мной?

Фан Цану резко вскинул голову. В его округлившихся глазах промелькнула паника, но он все же заставил себя сохранять хладнокровие и выпалил:

— Я вдруг вспомнил, что еще не принял ванну! Я пошел мыться, и тебе запрещено идти за мной!

Стоило ему договорить, как он умчался так быстро, что и след его простыл. Оставленный в одиночестве Тунтянь ничуть не рассердился, а лишь улыбнулся, глядя вслед убежавшему юноше.

Оказавшись в купальне Дворца Дракона, Фан Цану не только запер дверь, но и установил вокруг мощный барьер. Только после этого он направился к высеченной из нефрита ванне.

Белый пар поднимался вверх, окутывая дымкой прекрасное лицо юноши. Снятые одежды из Акульего Шелка легли на вешалку бесшумно, словно легкое облако.

Вода в купальне была молочно-белой — в ней были растворены духовный нефрит и множество небесных сокровищ и земных даров, предназначенных специально для укрепления тела молодых драконов и ухода за их чешуей.

Стоило Фан Цану погрузиться в воду, как он от удовольствия прикрыл глаза. Его ноги сами собой превратились в драконий хвост, и он принялся неторопливо шлепать белоснежным хвостом по воде.

Только сейчас Фан Цану наконец-то остался наедине с собой. Вдоволь наплескавшись, он принялся мысленно наводить порядок в событиях последних дней.

Перерождение Тунтяня стало неожиданностью, а то, что они стали спутниками на пути Дао — и вовсе поразительной случайностью. Впрочем, союз с переродившимся Тунтянем определенно был хорошим знаком.

Вот только стоило Фан Цану вспомнить, как близко Тунтянь приближался к нему, как ему тут же хотелось с головой спрятаться под воду.

Как же это пугает — находиться с кем-то в такой близости, — мысленно вздохнул Фан Цану.

— Все-таки лучше держать от него дистанцию, — тихо пробормотал нежащийся в воде Фан Цану.

Едва он договорил, как барьер вокруг купани вздрогнул. Фан Цану насторожился и резко спросил:

— Кто здесь?

В тот же миг в его руке возникло Копье из Драконьей Кости, готовое насквозь пронзить любого, кто посмеет нарушить его уединение.

Услышав его голос, стоявший снаружи человек тихо рассмеялся:

— Это я.

Голос был низким и бархатистым — Фан Цану успел хорошо изучить его за последние дни.

— Зачем ты пришел? — Фан Цану хоть и нахмурился, но все же опустил Копье из Драконьей Кости.

Стоявший снаружи Тунтянь улыбнулся:

— Принес тебе благовонную мазь для драконьей чешуи.

Вообще-то Тунтяню незачем было заниматься подобным, но по пути он встретил слугу из Клана Драконов, который как раз нес эту мазь, и вызвался доставить ее лично.

Услышав это, Фан Цану снова нахмурился, но ему ничего не оставалось, кроме как накинуть халат и открыть дверь. Став драконом, он, естественно, должен был бережно ухаживать за своей чешуей и рогами.

Раздался тихий щелчок, дверь отворилась, и перед ним предстал облаченный в черное даос. В руках он держал коробочку с благовонной мазью, а на его лице играла легкая улыбка.

Фан Цану лишь слегка высунул голову из-за приоткрытой двери и, протянув ладонь, холодно и безучастно произнес:

— Давай сюда.

Глядя на Фан Цану, который явно готов был отскочить от него на добрый десяток шагов, Тунтянь просто не смог удержаться от желания подразнить его. Он перехватил протянутую ладонь Фан Цану и без лишних церемоний вытянул упирающегося дракона из-за двери.

— Что ты делаешь?! — опешил Фан Цану, в следующее мгновение оказавшись притянутым вплотную к Тунтяню.

Только теперь Тунтянь разглядел, что на юноше был лишь наспех наброшенный халат, широкие полы которого приоткрывали нежную, словно полированный нефрит, кожу. К тому же он вышел босым.

Тунтянь отвел взгляд от обнаженной кожи Фан Цану и мягко спросил:

— Ты сможешь сам дотянуться до каждой чешуйки?

— Я... — Фан Цану осекся. Действительно, сам он не справился бы со всей спиной.

Не давая ему опомниться, Тунтянь мягко подтолкнул его обратно в купальню и добавил:

— Иди внутрь, я сам все сделаю.

Фан Цану попытался возразить и, упрямо взглянув на Тунтяня, произнес:

— Я могу позвать кого-нибудь другого.

Услышав его слова, Тунтянь лишь снисходительно улыбнулся. Он пристально посмотрел на Фан Цану и спросил:

— Маленький друг-даос, здесь я твой самый близкий человек. Или ты и вправду хочешь, чтобы эту мазь на тебя наносил какой-то незнакомец? Фан Цану невольно замер: когда Тунтянь мазал его целебной мазью, это было неприятно. Но когда мазь наносил незнакомый человек — становилось еще неприятнее.

Оказавшись перед трудным выбором, Фан Цану в конце концов предпочел Тунтяня и предупредил:

— Руки распускать не смей.

Тунтянь с улыбкой согласился, после чего последовал за Фан Цану в купальню. В тот же миг юноша в белых одеждах исчез, и перед Тунтянем предстал крошечный белый дракон.

Чешуя маленького дракона походила на белый нефрит и излучала мягкое сияние, а его драконьи рожки выглядели невероятно изящно и мило, заставив Тунтяня невольно вспомнить собственный облик после принятия человеческого обличья. — Быстрее мажь, — жестко бросил Фан Цану. Сказав это, он тут же замкнулся в себе: почему после превращения в драконов его голос стал таким детским?

Тунтянь посмотрел на маленького дракона, который явно выглядел не лучшим образом, и не удержался — протянул руку, поглаживая его чешую:

— Маленький товарищ по Дао поистине очарователен.

Фан Цану так и подмывало обругать его в ответ, но стоило вспомнить, что при любом звуке раздается детский писк, как он решил притвориться глухим и немым — просто делать вид, что не слышит слов Тунтяня.

Тунтянь зачерпнул пальцем немного мази из шкатулки и тщательно намазал ею чешую Фан Цану. Чешуйки, подобные прекрасному нефриту, вовсе не были холодными — напротив, от них

исходило мягкое тепло. Крохотные пластины, плотно прилегающие друг к другу, выстроились в ряд, создавая надежную защиту для маленького дракона, затаившегося на руках. Однако Тунтянь, коснувшийся чешуи собственной рукой, отлично понимал, насколько нежным и хрупким было существо, прижавшееся к нему. По сравнению с ним самим, прошедшим через несколько Юаньхуэев, этот дракончик был сущим ребенком.

— Ну что, уже все? — Фан Цану, долго сдерживавшийся, наконец не выдержал и подал голос.

Тунтянь опустил взгляд на ту самую обратную чешуйку. Его длинные, бледные пальцы невольно начали поглаживать ее, выписывая круги. Фан Цану почувствовал, как от этого прикосновения по всему телу пробежала дрожь, словно у него выступили мурашки.

Прошло еще немного времени, но Тунтянь так и не решился снова провести пальцами по обратной чешуе Фан Цану. Времени впереди было предостаточно, и у него имелось немало способов заставить маленького дракона добровольно подставить ему свое брюшко, так что спешить не стоило.

— Все, — ответил Тунтянь. Эти два слова сорвались с губ Тунтяня, и Фан Цану словно получил долгожданное помилование. Он торопливо выскользнул из объятий Тунтяня, вновь обрел человеческий облик и наспех оделся.

Одежда из Акульего Шелка была легкой и мягкой, словно дымка, струящаяся среди горных туманов, отчего юноша походил на небожителя, не ведающего земных забот.

Тунтянь терпеливо ждал, пока Фан Цану облачится во все одежды, наблюдая, как тот кутается в них, словно побег бамбука.

Когда Фан Цану завязал пояс, Тунтянь протянул юноше руку и произнес:

— Подойди, я обучу тебя технике двойного совершенствования.

Его слова еще не затихли, а когда Фан Цану опомнился, то с удивлением обнаружил, что его рука уже лежит в ладони Тунтяня. Тот вид парной культивации, о котором говорил Тунтянь, вовсе не был тем, что представлял себе Фан Цану. В нем не было ни капли от техник плотских утех; это был лишь способ через близость между даосскими спутниками объединить потоки энергии, чтобы взглянуть на мир под новым углом и обрести совместное просветление.

Обычно, если один из партнеров сильнее другого, такой союз оказывается для него невыгодным, ведь львиная доля пользы от парной культивации достается тому, кто слабее.

Однако Тунтяня это совершенно не волновало. По сравнению с такими пустяками, как собственный уровень культивации, он больше хотел, чтобы Фан Цану как можно скорее достиг уровня Золотого Бессмертного Дало, чтобы тот смог отправиться во Дворец Цзысяо слушать наставления, а затем — увидеть, как изменится судьба.

Когда духовная энергия Неба и Земли совершила девять раз по девять, восемьдесят один великий кругооборот внутри тел Тунтяня и Фан Цану, этот сеанс парной культивации временно завершился.

Открыв глаза, Фан Цану ощутил свою культивацию и почувствовал, что он уже стоит на пороге прорыва с уровня Золотого Бессмертного Тайи.

— Ну как? — Тунтянь, также открывший глаза, посмотрел на юношу перед собой и задал вопрос.

Услышав это, Фан Цану без колебаний рассыпался в похвалах:

— Превосходно! Ты — словно чудодейственная пилюля, восполняющая всё и вся.

Затем Тунтянь увидел, как юноша лукаво подмигнул ему, словно и вправду считал его той самой пилюлей.

Тунтянь не придал этому значения, лишь усмехнулся:

— Тогда, маленький даос, не хочешь ли попробовать другой вид парной культивации?

Услышав это, Фан Цану тут же отпрянул на несколько метров и отозвался:

— Увольте, в этом нет никакой нужды.

— А что, если однажды игра в поддельное станет явью?

Едва Тунтянь закончил фразу, как небо и земля внезапно содрогнулись. В тот же миг выражение лица Тунтяня стало серьезным.

Фан Цану тоже невольно посмотрел в сторону Запада:

— Великие могущественные существа начали битву?

Тунтянь же просто поднялся на ноги, сжимая в руке Меч Цинпин.

— Маленький даос, хочешь отправиться со мной на Запад, чтобы извлечь выгоду из их столкновения? — Тунтянь опустил взгляд.

Фан Цану опешил, а затем тихо спросил:

— Это Борьба Дао и Демонов?

— Именно, — Тунтянь улыбнулся, но взгляд его стал невероятно острым.

— Значит, мы собираемся поживиться за счет Даосского Предка и Предок Демонов?

— Совершенно верно.

Тунтянь собирался не просто извлечь выгоду из противостояния Даосского Предка и Предок Демонов — он надеялся, что эти двое будут сражаться еще яростнее. Если бы они смогли разрушить все духовные жилы на Западе, он был бы только рад.

<http://bllate.org/book/21824/2259957>